

DOI: 10.17976/jpps/2019.06.02

УХОД ВОЕННОГО ПРЕВОСХОДСТВА ЗАПАДА И ГЕОЭКОНОМИКА

С.А. Караганов

КАРАГАНОВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, декан факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: skaraganov@hse.ru

Статья представляет собой краткий вариант главы, которая будет опубликована на английском языке в книге: *Russia in Global Politics*. Ed. by G. Diesen and A. Lukin. Palgrave Macmillan (in print).

Караганов С.А. Уход военного превосходства Запада и геοэкономика. — Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 8-21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.02>

Статья поступила в редакцию: 04.09.2019. Принята к публикации: 30.09.2019

Аннотация. Глубинная, хотя и почти никогда не называемая причина идущей геополитической революции — небывало быстрого сдвига от Запада и от Европы к Китаю и Азии — коренное изменение военно-политического соотношения сил, на котором в итоге базируется миропорядок. Почти полтысячелетия Европа-Запад обладали военным превосходством, на котором основывалось их доминирование в мировой экономике, политике, идейной сфере. Превосходство стало уходить после обретения СССР, затем Китаем ядерного оружия, что по нарастающей начало лишать Запад возможности навязывать свои интересы военной силой. Процесс потери превосходства завершился в 2010-х годах. Россия, обеспечивая интересы своей безопасности, стала “повивальной бабкой” истории, во многом обеспечила основу для нынешнего исторического сдвига, расширения свободы выбора для стран и народов.

Ключевые слова: Россия, геополитика, геοэкономика, военное превосходство, доминирование Запада, изменение соотношения сил.

НЕМНОГО ТЕОРИИ

Важнейшая тенденция современного мира — относительное ослабление Запада, долго доминировавшего в мировой политике, экономике, культуре, и подъем “других” — в первую очередь Азии. Это ослабление — главная причина ужесточения соперничества, напоминающего прошлую холодную войну. Корней этого макросдвига немало, и о них идет широкая международная дискуссия. Удивлен тем, что почти не называют важнейшую, на мой взгляд, — утрату Западом военного превосходства в мире, которым Европа обладала с XVI–XVII вв.

Сначала позволю себе несколько достаточно тривиальных замечаний. Совокупная мощь государств, их групп и даже цивилизаций, определяется динамичным сочетанием целого ряда факторов. Среди них — военная сила, экономическая мощь, уровень технологического развития, идеологическая и культурная привлекательность, качество элит и их способность проводить адекватную своему времени политику, и самое главное — их воля к борьбе (то, что принято называть “куражом”), а также управляемость стран и обществ, численность и качество населения.

Безусловно, в первых строках списка составляющих успеха или провала стран и цивилизаций — наличие или отсутствию общенациональной цели.

Когда в большинстве своем европейские страны отказались от готовности ставить грандиозные цели, они начали терять и статус великих держав — ведущих субъектов мировой политики. Изначально с этим же связана готовность поддерживать, если необходимо, военную силу государства. Х. Ортега-и-Гассет, наверное, самый известный западный философ XX в., сформулировал эту мысль так: “Народ, не испытывающий никакого стыда из-за разложения дурной организации вооруженных сил, не способен удержаться на плаву или выжить” [Ортега-и-Гассет 2008: 87]. Он же показал, как его родная Испания, лишившись такой цели, утратила с XVII — XVIII вв. статус мировой державы. В последние годы Россия, выжив, “поднявшись с колен”, восстановив военную мощь, вернув себе статус одной из ведущих держав, затихла, перестала ставить перед собой стратегические цели. И рискует пойти по этому же пути. Для многих россиян статус “нормальной” европейской страны привлекателен. Но ее история и размах, геополитическое положение, видимо, не позволяют ей такой быть. Страна попыталась стать “нормальной” в 1990-е годы и чудом не погибла. Впрочем, цели могут быть и ложными или недостижимыми: вспомним СССР, который был движим идеей распространения коммунизма.

А в целом внешняя политика является, безусловно — (тоже трюизм) искусством, хотя она и должна опираться на точное научное понимание тенденций мирового развития. Но оно как раз очень часто неадекватно из-за интеллектуальных или идеологических ограничений. Как и искусство как таковое, внешняя политика во многом подчиняется интуиции и таланту лидеров или правящих элит.

При этом роль лидеров меняется в зависимости от цивилизационных особенностей и с течением времени. Европейские монархии превратились в лидерские демократии, которые постепенно в последние несколько десятилетий стали меняться на безлидерские (такие страны как Венгрия или США — исключения). В Азии лидеры играют гораздо большую роль, хотя и их возможности могут сокращаться из-за порожденного информационной революцией роста влияния общественного мнения.

Как чрезмерные расходы на оборону и внешнюю политику ослабляют позиции великих держав, описано в классическом труде американского ученого Пола Кеннеди. Его главный пример — США 1960-1980-х годов. Он показал, как чрезмерная забюрократизированность замедляет инновации и экономическую активность, как это случилось, в частности, в Китае в эпоху династии Мин (XIV-XVII вв.), когда страна стала понемногу терять свое лидерство в технологической сфере [Kennedy 1987]. Чудовищные траты на военную машину и внешнюю империю — в числе главных причин, погубивших СССР.

Страны и общества, естественно, стараются в международном соревновании подчеркнуть свои сильные стороны.

В период расцвета американского экономического могущества в 1990-е годы фраза президента Клинтона — “это экономика, дурачок” — казалась аксиомой. А экономисты, разумеется, не только из-за этого лозунга, занимали ведущее место среди жрецов социальных наук, которое сейчас они теряют. Европейские эксперты (*pundits*) сплошь и рядом утверждали, что главное — это сила экономики и привлекательность высокого уровня жизни и либеральной демократии. И им верят и верили очень многие. Пока не стало очевидным, что экономически выигрывает Китай, а Россия, находящаяся

в конце первой десятки мировых экономик, но с жесткой внешней политикой, военным усилением и набором ценностей, поддерживаемых в мире подавляющим большинством, далеко обошла по совокупной мощи все страны кроме Китая и США [Karaganov 2018].

В 1920-1930-х годах идеологи нищего и слабого в военном отношении Советского Союза “толкали” лозунг о коммунизме как о будущем человечества. И СССР до 1950-1960-х годов имел гигантское влияние в мире, несопоставимое с его экономическим, военным и даже политическим потенциалом.

Теория мягкой силы Дж. Ная появилась на волне ликования от казавшейся окончательной победы “либеральной демократии” и Запада в целом и подчеркивала ее сильные стороны [Nye 1990: 153]. Затем во многом из-за головокружения от успехов последовала серия жестоких провалов. Были политически проиграны интервенции в Ираке и Ливии, приведшие к сотням тысяч жертв, подъему радикализма и терроризма. Проиграна была и операция НАТО в Афганистане, неразумная, построенная на идее возможности построения современного демократического общества в этой стране, но легитимная, поддержанная СБ ООН.

Провалилась и поддержанная Западом по идеологическим мотивам арабская весна, еще более дестабилизировавшая Ближний Восток и нанесящая ущерб позициям самого Запада в регионе. Мощный удар по идеологическому влиянию Запада нанес экономический кризис, начавшийся в 2007-2008 гг. и подорвавший миф о всеправильности модели Вашингтонского консенсуса, предлагавшегося и навязывавшегося Западом. Затем были приход Д. Трампа и начало чего-то похожего на ненасильственную гражданскую войну, которую развязала против него большая часть американской элиты, подъем так называемого популизма в Европе, развертывание многослойного кризиса в ЕС. И мягкую силу, идеологическое влияние Запада, как-то подзабыли.

Сейчас, особенно на Западе, одним из главных бастионов влияния которого является накопленная за века и усиленная относительной свободой информационно-интеллектуальная сфера, провозглашен “век информации”. Этот тезис, естественно, поддерживают элиты по всему миру, задействованные в информационной сфере. Вопрос, конечно, требует отдельного рассмотрения. Весьма вероятно, что информационная революция не только усиливает страны, общественные группы, но и все больше ослабляет их, ведет к массовому оглушению. Один из самых блистательных подходов к этой проблеме сделал в своей статье “Конец века просвещения” Г. Киссинджер [Kissinger 2018]. Возможно, выигрывать будут люди и страны, действующие все-таки преимущественно не в виртуальной сфере, а в сфере реальной политики, способные к самозащите от виртуальной реальности.

Председатель Мао запомнился в том числе изречением “винтовка рождает власть”. У китайских коммунистов не было еще ни экономики, ни государства, а по сравнению с постреволюционной России слабо было и идеологическое влияние. Берусь утверждать, не ставя себя, разумеется, вровень с Мао, но вслед за многими теоретиками-“реалистами”, что важнейшей глубинной основой мощи и влияния государств (и даже цивилизаций) является военная сила, способность защищать себя, продвигать вовне свои интересы, свои порядки, культуру. Именно она является глубинным фундаментом силы и влияния государств. Разумеется, во взаимозависимости с другими факторами силы.

Красноречиво эту реальность сформулировал яркий британский экономист и политический философ Р. Скидельски: “Именно (военная – С.К.) мощь привела к тому, что западная мысль стала казаться универсальной. Захваты, а не миссионеры распространяли христианство по миру” [Skidelsky 2019].

Сильные, эффективные и умно используемые вооруженные силы, а еще лучше – военное превосходство, чаще всего выгодно экономически, обеспечивая возможность “перетягивания” к себе мирового богатства. В самой грубой форме – это грабеж колоний или побежденных в войнах, в чуть менее грубой – навязывание под дулами пушек условий торговли. В более утонченной – поддержание системы свободной торговли странами, имевшими более эффективную экономику и превосходящую военно-морскую мощь и способными навязывать правила этой торговли, которая называлась “свободной”. Сначала это была Великобритания, потом – США. В еще более завуалированной форме – создание системы, когда доллар, который печатается в США, остается ведущей расчетной и резервной валютой, а созданная после 1945 г. система международных экономических институтов обеспечивала ключевое и выгодное положение США и части их союзников в мировой экономической системе.

Изменение этой военной составляющей сложного уравнения, как мне представляется очевидным, сыграло важнейшую роль в нынешней геополитической революции.

ВОЕННАЯ СИЛА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОЩЬ

Коренное изменение соотношения военных сил идет с 1950-х годов, а окончательно вышло на поверхность только в конце 2000-х – начале 2010-х годов, когда Россия восстановила свою военную мощь и заявила о способности с помощью новейших стратегических систем не допустить возвращения военного превосходства США.

Ключевой фактор – появление сначала у СССР, потом у КНР ядерного оружия, наращивание его арсеналов, а затем и его распространение, обретение *de facto* ядерного статуса Израилем, Индией, Пакистаном, а теперь и КНДР. Полагаю, что влияние ядерного фактора – крупнейшее системное изменение, происшедшее в мировой политике XX в., действующее и развивающееся до сих пор.

Военную силу стало использовать все труднее или запретительно дорого, ее масштабное применение угрожает уничтожением человечества.

Условно четыре-пять веков тому назад Европа начала приобретать военное превосходство над другими странами и цивилизациями. До того большая часть мирового ВВП производилась вне европейского субконтинента. Там же – в Китае, в Центральной Азии, арабском мире, на территории нынешней Индии – был главный источник инноваций, научно-технологического прогресса. Порох, как известно, был изобретен в Китае. Пушки тоже, но в их использовании больше преуспели европейцы. Постоянные междоусобные войны на скученном субконтиненте выковали и лучшие военные технологии, и лучшую военную организацию. С 1550 г. по 1850 г. войны между крупными европейскими державами велись от 30 до 70% времени [Hoffman 2015]¹.

¹ Лучшую, на мой взгляд, работу о причинах военных успехов европейцев написал американский историк и экономист Филип Хоффман [Hoffman 2015].

В Европе были созданы профессиональные армии, их солдаты и офицеры были более обучены и мотивированы.

К тому же, по не совсем понятным до сих пор причинам, в XV в. Китай, обладавший океанским флотом, многократно превосходившим все, что было в мире, отказался от него. А по сохранившимся данным, в Индийский океан и к Африке ходил флот в десятки, если не сотни судов с экипажами в 26 тыс. человек. Но с XVI-XVII вв. уже европейские корабли с их орудиями стали главным инструментом захвата и грабежа колоний и полуколоний.

Военное превосходство позволяло не только захватывать и грабить, но и навязывать политические порядки, культурные стереотипы, выгодные, естественно, прежде всего их создателям. Все это позволяло перераспределять мировой ВВП в пользу Европы-Запада. А поток ресурсов, шедший в Европу, потом и в США, позволял ускоренными темпами развивать науку, образование, культуру, закрепляя господство в мировой системе.

Вполне вероятно, что страны и цивилизации, которых покоряли и грабили сначала португальцы и испанцы, затем голландцы, англичане, французы, немцы, были относительно более мирными сообществами и точно хуже вооруженными, чем европейцы. Они, конечно, воевали, но с гораздо меньшей интенсивностью, чем в Европе. Кортес и Писарро с несколькими десятками людей, используя, правда, местных союзников, разгромили развитые и густо населенные, но, вероятно, менее воинственные цивилизации инков и ацтеков. Привнесенные из Европы болезни, геноцид, колонизация привели к их фактическому уничтожению.

12 Россия в ее движении к Тихому океану использовала европейские методы и инструменты, естественно, в российском исполнении. Фантастически быстрая экспансия от Урала до Тихого океана с конца XVI в. по конец XVII в. объяснялась не только отчаянной смелостью тех русских, кого мы называем казаками, их готовностью терпеть невзгоды в поисках серебра или “мягкого золота” — пушнины, стремлением к загоризонтной воле — русской свободе, но и превосходством огнестрельного оружия русских, их военной организации над луками и стрелами местных племен.

Правда, Российская империя формировалась по-иному, чем другие европейские. Она была не заокеанской, но континентальной, делала больший упор на интеграцию элит завоеванных или присоединенных земель, нежели на прямое подавление и жесткое навязывание своей веры. Может быть, следуя исторической памяти империи Чингизидов, полузависимой частью которой, но и интегрируясь с которой, древняя Русь была на протяжении двух с половиной веков. Монголы, пользуясь своим военным превосходством, грабили, собирали дань, но не навязывали свои политические порядки, религию и культуру, в отличие от того, что позже неизменно делали европейцы, а потом и американцы.

В создании и развитии Российской империи военная сила в ее экономическом преломлении играли крайне важную роль. Налоги на огромной территории с разбросанным населением было собирать трудно, а поступления от торговли “мягким золотом” — пушниной — и с Европой, и с Китаем играли важную роль в пополнении казны. Идущие в XVII-XVIII вв. через Сибирь в обмен на меха караваны китайского шелка, чая и других товаров, являли собою поздний, хоть и уменьшенный вариант великого Шелкового пути;

политическое и культурное значения этого взаимообмена до настоящего времени мало изучено.

Китайская империя, переварив и интегрировав или вытеснив к XV-XVI в. покоривших ее в XIII в. монголов, оттеснив или разгромив племена, атаковавшие ее с северо-запада и, успокоившись доминированием Срединного царства в Восточной Азии, перестала уделять серьезное внимание своим вооруженным силам. Поговорка или древняя мудрость “Хороший человек в солдаты не пойдет” стала общенациональной государственной политикой. На вооруженные силы тратили все меньше средств. И Китай поплатился за эту скупость, особенно в XIX в., когда небольшие флотилии западных держав легко громили слабые и плохо организованные китайские войска, навязывали грабительскую торговлю опиумом, производившимся в колониальной Индии, массовую наркоманию, более чем на столетие превратив Китай в полуколонию, отбросив его назад в цивилизационном отношении².

В Европе войны были по большей части были непосредственно экономически мотивированы. Захват территорий и населения увеличивал налогооблагаемую базу победителей. Они получали контрибуции. Армии в значительной степени кормились за счет населения захватываемых территорий.

Английское военно-морское превосходство послужило, как оказалось, основой принципа или, вернее, мифа о свободной торговле, которая была выгодна прежде всего самой Великобритании. Затем в XX в. ее место заняли США. И сейчас за попытками подорвать претензии Китая на ведущую роль в Южно-Китайском море стоит старая политика, нацеленная на контроль над главными морскими путями.

РОССИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ В ГЕОПОЛИТИКЕ И ГЕОЭКОНОМИКЕ

В конце 1940-х годов СССР, позже Китай создали ядерное оружие. Большие войны стало невозможно выигрывать. А значит, невозможным стало и угрожать ими, в том числе эскалацией конфликтов, началась эпоха завершения военного превосходства Запада.

США не решились применить ядерное оружие в корейской и вьетнамской войнах. И не смогли выиграть первую, и проиграли вторую. За войсками Ким Ир Сена стоял не только Китай со способностью бросить в бой сотни тысяч солдат, но и уже ядерный СССР (ядерную мощь которого американцы, к счастью, преувеличивали).

За Вьетнамом стояли и ему помогали уже две ядерные державы. И если во время корейской войны применение ядерного оружия еще рассматривалось, но было отвергнуто, то во время вьетнамской войны этот вопрос, насколько известно, если и обсуждался, то только теоретически.

Американцы отказались в 1954 г. применить ядерное оружие против вьетнамцев, громивших французов под Дьенбьенфу, хотя французы молили о такой помощи.

Этот отказ, как и последующие сомнения де Голля (теперь известно, более чем обоснованные) в надежности американских ядерных гарантий начали подрывать военно-политическую основу Запада. Франция вышла из НАТО. С начала 1960-х годов немцы запустили раздражавшую Вашингтон политику

² Китайцы были обязаны в обмен – заведомо неэквивалентный – на свои товары закупать опиум, производимый в британской Индии.

разрядки в Европе. Началось, несмотря на яростное противодействие США, строительство газопроводов из СССР в Европу. Позже советский и российский газ, доходы Москвы, уходившие в значительной степени на покупки товаров в Европе, создали позитивную взаимозависимость и расширили свободу маневра для европейцев.

Американцы, столкнувшись с поражением во Вьетнаме и необходимостью сокращать военные расходы, пошли на рубеже 1960-1970-х годов на разрядку с СССР.

Появление балансирующего фактора в международной системе расширило свободу маневра для очень многих стран, образовалось Движение неприсоединения, у Индии и других бывших колоний появилась возможность выбора внешнеполитического курса.

Реакцией на вьетнамский провал, усугубленный введенным осмелевшими арабами нефтяного эмбарго 1970-х годов, стала рейгановская политика. Ее ключевой составной частью была попытка не только восстановить американскую экономику, ослабленную войнами и чрезмерной зарубежной экспансией, но и вернуть военное превосходство, чтобы сделать угрозу применения военной силы для поддержания своих позиций в иных сферах более достоверной.

Вернуть военное превосходство было, наверное, уже невозможно. Но на историческую секунду американской элите 1990-х годов показалось, что оно достижимо. Развалился СССР, в основном из-за своих внутренних причин, из-за неэффективности социалистической системы хозяйства, особенно сельского, неспособного накормить народ, и под чудовищным бременем глобальных имперских обязательств.

Ослабленная в результате революции 1991 г. и деморализованная Россия политически прекратила сдерживать и уравнивать западную военную мощь. На Западе, да и многими в России считалось, что страна свою силу уже не восстановит (ни политическую, ни военно-техническую). Российские вооруженные силы быстро деградировали. Стремясь продемонстрировать и закрепить свою новую мощь, Запад пошел на серию интервенций и агрессий – в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии. И большинство из них в 2000-е годы политически проиграл (разве что кроме нападения в 1999 г. на остатки Югославии, когда Россия находилась в низшей точке своего упадка и позорно не смогла предотвратить агрессию Запада или наказать бомбардировавших Белград).

Но эта западная агрессия встряхнула российскую элиту, многие в которой верили, что Запад и западные демократии являются более справедливыми и миролюбивыми.

Пришедший к власти на рубеже веков В.В. Путин еще пытался договориться, маневрировал, отступал, не стал жестко противодействовать расширению НАТО на Прибалтику, даже предлагал дружбу – первым заявил о готовности прийти на помощь США после 9/11. Но в российской элите зрело убеждение, что военное превосходство США неприемлемо, прямо угрожает безопасности страны и мира в целом. Россия была еще бедна. Однако после 2002 г., когда США вышли из Договора по ПРО, а в Москве это не могло быть прочтено иначе, как стремление вновь обрести военное превосходство, были, видимо, приняты решения, которые через полтора десятилетия привели к созданию

и даже началу развертывания ряда сверхтехнологичных систем, призванных покончить с этим стремлением.

Еще до того, в начале 1990-х годов, США и Европа совершили, может быть, самую крупную в новейшей истории геополитическую ошибку. Уставшая от скудости социализма и разуверившаяся в догмах коммунистической идеологии значительная часть российской элиты и общества стремились войти в Запад, в его институты, “вернуться в Европу”. Но обязательным условием такой интеграции для России было сохранение едва ли не святого для нее суверенитета и обеспечение базовой безопасности, тоже святого понятия для страны, пережившей десятки агрессий, а в XX в. и гражданскую войну с интервенциями, и страшную по потерям Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. Эта базовая безопасность включала в себя сохранение буфера на западных рубежах, от которых на протяжении последних пяти-шести веков волнами шли интервенции. Россия ставила вопрос о включении ее в НАТО или о создании эффективной системы общеевропейской безопасности.

Однако в интеграции на более или менее приемлемых условиях России было отказано. В эйфории от казавшейся окончательной победы Запад сделал ставку на экспансию, распространение своих союзов, зоны влияния и контроля на территории, считавшиеся в Москве жизненно важными с точки зрения обеспечения безопасности.

Одновременно доминирование Запада позволило осуществить огромный переток ВВП и других ресурсов из России и стран бывшего социалистического лагеря. Пользуясь российской слабостью, ей навязывали (а часть ее элиты с этим соглашалась) весьма невыгодные условия торговли, жестко вытесняли ее с рынков. Дело доходило до курьезов — пытались диктовать внутренние цены на горючее, чтобы дополнительно уменьшить конкурентоспособность российской экономики. Уже в 2000-е годы ЕС, угрожая в очередной раз заблокировать российское вступление в ВТО, требовал от России продолжить экспорт леса-кругляка, пытаясь ограничить развитие российской лесоперерабатывающей промышленности и поддержать свою.

Русское стремление войти в Запад было столь выгодным для него, — оно потенциально продлевало его ключевую роль в международной системе, в том числе и через сохранение его военного превосходства, — что, когда это стремление было Западом отвергнуто, автора, как вспоминается, охватила тревога. Автор тогда склонялся к выводу, что Запад хочет добить Россию, и стал призывать коллег в российской элите быть готовыми к худшему, скрывать наше стремление восстановиться.

Но оказалось, что тревога была напрасной. Причиной отказа было упавшее интеллектуальное качество западных элит, забвение истории, алчность. Была повторена веймарская ошибка — России навязывали несправедливые экономические и политические условия (так же как и поверженной Германии 1920-х годов, пусть и в более мягком варианте). Расширение ЕС (и особенно НАТО, вопреки обещаниям³) включило не только страны бывшего соцлагеря, но и части территорий бывшего СССР, до того Российской империи — бал-

³ Теперь эти обещания и даже политические обязательства, хотя и не закрепленные в правовой форме, нерасширения НАТО хорошо документированы. Чтобы ознакомиться с документами, см.: Savranskaya S., Blanton, T. *NATO Expansion: What Gorbachev Heard*. — *National Security Archive*. 12.12.2017. URL: https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early#_ednref3 (accessed 17.09.2019).

тийских государств. Когда в 2007–2008 гг. американская администрация, судя по достоверным данным, попыталась втащить в НАТО Украину и Грузию, это вызвало не только жесткий военный ответ Москвы на нападение осмелевшего Саакашвили на Южную Осетию и убийство там российских миротворцев, но и запуск массивной программы модернизации и перевооружения российских сил общего назначения. Еще ранее была запущена модернизация стратегического потенциала⁴. В России стали понимать, что дальнейшая западная экспансия чревата большой войной, которую необходимо предотвратить.

В конце 2000-х годов в России обосновали, а с начала 2010-х начали экономический поворот на Восток, к новым поднимающимся рынкам Азии. Первоначально он был преимущественно экономическим. Но с годами и с нарастанием конфронтации с Западом стал приобретать геополитический характер [Karaganov 2016]. И в любом случае ускорил изменение соотношения сил в Евразии не в пользу Европы, резко расширил поле для маневра России [Diesen 2018]. Если в конце 2000-х годов на Европу приходилось почти 60% российской внешней торговли, а на Азию — меньше трети, то к концу 2010-х годов азиатская и европейская торговля сравнялись.

Военное усиление сильно не понравилось Западу. Конфронтационные тенденции в его политике начали ощутимо нарастать с начала 2010-х годов, а к 2013 г. были совершенно очевидны. Вопрос был, когда и где произойдет прямое столкновение.

В 2014 г. Россия положила предел, по крайней мере на обозримый период, расширению НАТО на сопредельные с ней страны, воссоединившись с Крымом и поддержав восставших в Донбассе. Это вызвало взрыв ненависти на Западе. Но новая военная мощь России не позволила даже помыслить о прямых военных угрозах. В ход в очередной раз пошли санкции, неприятные с точки зрения развития, но в значительной степени символические. Было остановлено скольжение к большой войне, которая из-за расширения НАТО начала казаться вероятной, если не неизбежной. Главным итогом “крымского эпизода” было и окончательное развенчание представления 1990-х — начала 2000-х годов о всеисилии Запада.

Еще один удар по представлению о всемогуществе Запада был нанесен в 2015 г., когда Россия, руководствуясь прежде всего интересами своей безопасности — стремлением остановить террористическую угрозу как можно дальше от своих границ, уничтожить как можно больше террористов, многие из которых были выходцами из самой России и стран бывшего СССР, продемонстрировать свою новую военную мощь и потренировать своих военных — пришла на помощь законному режиму в Сирии и помогла ему выстоять и победить. Заодно был положен предел еще одному типу западной экспансии — цветным революциям, которые, как правило, приводили к дестабилизации стран и регионов.

Западная модель развития и геополитическое равнение на Запад перестали казаться безальтернативными. У стран, и не только на Ближнем Востоке, резко расширилось пространство свободы выбора и, естественно, изменились конкурентные позиции в борьбе за долю в мировом ВВП.

⁴ Об истории возрождения российских вооруженных сил см. интервью министра обороны РФ С.К. Шойгу: Ростовский М. Сергей Шойгу рассказал, как спасали российскую армию. — *Московский Комсомолец*. 22.09.2019. URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/09/22/sergey-shoygu-rasskazal-kak-spasali-rossiyskuyu-armiyu.html> (accessed 17.09.2019).

И, наконец, в 2018 г. президент России В.В. Путин объявил о создании и начале развертывания Россией новейшего поколения стратегических вооружений — гиперзвуковых ракет большого радиуса действия воздушного базирования, нового поколения высокоточных крылатых ракет, сверхтяжелой ракеты с гиперзвуковыми планирующими боезарядами, способными атаковать противника с любого направления, в том числе и через Южный полюс, ряда других систем⁵. Эти системы вооружений упреждающе обесценивают любые системы ПРО, любые попытки вернуть стратегическое превосходство. Попутно обесцениваются и многие уже сделанные капиталовложения, становятся еще более уязвимыми авианосцы.

Создав и начав развертывать эти системы, Россия пока выигрывает гонку вооружений, не ввязавшись в нее и получив “окно безопасности” лет на 10-15. Хотя, разумеется, из-за целого ряда факторов угроза случайного или непреднамеренного развязывания войны крайне высока [Караганов, Суслов 2019].

Предсказуемо возродившись в военном, политическом, и даже, хотя и с меньшим успехом, экономическом отношении, Россия стала не частью Запада, чего хотела значительная доля ее элиты в 1990-е годы, а ключевой частью не-Запада, резко ускорив изменение соотношения сил в мире.

Теперь США и Западу по нарастающей придется конкурировать на равных, не опираясь больше (по крайней мере, на обозримую перспективу) на превосходство в военной области, как они это делали почти пять веков.

Москва не стремилась прямо ко всем этим изменениям. Такое стремление не было зафиксировано в официальных документах. Не ставилась такая цель и в экспертных дискуссиях.

Главной целью было обеспечение безопасности и суверенитета самой России, выгодного ей положения в международной системе.

Объективно, своим военным, политическим и моральным возрождением Россия качественно изменила соотношение сил в мире, обеспечив десяткам стран более благоприятные условия для свободного развития, в том числе для использования своих конкурентных преимуществ, для возрождения прежде отесненных стран и цивилизаций.

Ускорилась эрозия институтов и режимов, созданных в первую очередь США и обеспечивших Западу привилегированные позиции в мировом хозяйстве.

Кризис нынешней глобализации, рост протекционизма — тоже во многом результат перераспределения военных сил. Нынешняя глобализация выросла на основе правил, продиктованных США при поддержке Европы сначала несоциалистическому миру, а с провалом СССР и повсеместно. Сейчас США и старый Запад лишаются возможности диктовать свои условия, и выясняется, что глобализация им не выгодна, потому что от нее равно выигрывают другие, условные “новые”, Китай, Индия. А играть на равных американцы пока не привыкли. И США открыто — через торговые войны, а другие западные страны более нерешительно, в том числе через сотни санкций, начинают подрывать старую глобализацию, поднимают знамя протекционизма, используя позиции, оставшиеся от прошлого преобладания в мировой политической и экономической системах.

⁵ Путин В. Послание Президента Федеральному Собранию. — *Президент России. Официальный сайт*. 01.03.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957/work> (accessed 17.09.2019).

Уже после стратегической ошибки с отвержением России Запад совершил еще два просчета, также стратегического масштаба.

Во-первых, движимый иллюзией о конце истории и о наступлении века либеральной демократии, он считал, что Китай, развиваясь и богатея в условиях открытых рынков, которые были ему предоставлены, будет становиться более демократическим, а значит неизбежно хуже управляемым, менее способным концентрировать ресурсы. И одновременно встанет в фарватер западной политики. Китайская многотысячелетняя историческая и культурная традиция, мощь его цивилизации не были приняты во внимание.

В результате Пекину было позволено, если не обеспечено, ускоренное экономическое развитие с превращением в экономическую державу номер 1-2 с перспективой обгона США по многим показателям экономической, а затем и совокупной мощи.

Во-вторых, развернув жесткое давление на Россию, США и, в меньшей степени Запад в целом, развязали что-то похожее на холодную войну и против Китая. Россия и Китай, и до того налаживавшие дружественные отношения “всеобъемлющего стратегического партнерства”, были мощно подтолкнуты к формированию полусоюзнических отношений. В этих отношениях Китай может частично полагаться на военно-стратегическую мощь России. А Россия в случае необходимости — на экономические ресурсы КНР. (Такая помощь, насколько известно, ей была предложена в 2014–2015 гг. Но Москва решила обойтись собственными силами.)

К тому же, столкнувшись с усилением противодействия с Востока, со стороны США, Китай пошел на Запад через “Один пояс, Один путь”⁶. А Россия уже шла встречным путем на Восток. При этом они договорились не конкурировать в Центральной Азии, а сопрягать “Пояс и Путь” и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), о чем в 2015 г. было заключено соответствующее соглашение⁷.

Через несколько лет две страны договорились о взаимной поддержке двух налагающихся друг на друга проектов — преимущественно экономического “Пояса и Пути” с мощной культурной составляющей и со стратегическими последствиями, и российской концепции партнерства Большой Евразии [Караганов 2017], в первую очередь геополитического, но с сильными экономическими и идейными составляющими⁸.

В результате частичного сложения потенциалов — военно-силового России и экономического Китая, выросла совокупная мощь обеих стран. Ускорился закат господства Запада, выбравшего путь соперничества. Возможно, гегемония США, продолжавшаяся меньше двух десятилетий — с начала

⁶ Xi Jinping. Work Together to Build the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road. — *Xinhua*. 14.05.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (accessed 17.09.2019).

⁷ См.: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. — *Президент России. Официальный сайт*. 08.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 17.09.2019).

⁸ О взаимной поддержке концепций см. речи В.В. Путина и Си Цзиньпина на Петербургском экономическом форуме 2019: Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. — *Президент России. Официальный сайт*. 07.06.2019. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (accessed 17.09.2019).

1990-х по конец 2000-х годов — стала “лебединой песней” пятисотлетнего лидерства Запада.

Вряд ли тенденцию к ослаблению мировых позиций, особенно сильную в Европе, сможет остановить “контрреволюция” Трампа. Силовое крыло американской элиты уже при Б. Обаме (и особенно при нем) пытается с поправками повторить “успех” Р. Рейгана. Тот, как убедили себя американцы, жестким давлением и угрозой гонки вооружений и достижения стратегического превосходства через создание системы глобальной ПРО — “звездных войн” — развалил Советский Союз. Как отмечалось, причины развала были по большей части внутренними. Упала привлекательность коммунистической идеологии, а социалистическое сельское хозяйство не могло накормить народ. К тому же СССР поддерживал чудовищное количество нахлебников — в соцлагере, странах социалистической ориентации.

Сейчас положение России качественно лучше. Народ гораздо более сыт, место угасшей коммунистической идеологии уверенно занимает более дееспособный государственный национализм. А гонку вооружений Россия пока выиграла, не ввязавшись в нее. У США не получится, видимо, повторить с Пекином опыт с давления на Токио 1980-х годов. Тогда зависимой в военно-политическом отношении Японии были навязаны ревальвация йены, квоты на торговлю, остановившие ее мощный и, как считали в Вашингтоне, “угрожавший” США экономический рост. Япония была ввергнута в стагнацию, продолжающуюся до сих пор. Китай же независим в военно-политическом отношении и вряд ли торговая война, развязанная против него (а заодно и против старой либеральной торгово-экономической системы), может качественно замедлить его развитие.

Меры по стимулированию экономики, в том числе за счет протекционистской политики Д. Трампа, скорее всего усилят Америку. Но уже не как глобального гегемона, а как сократившей свои внешние обязательства и частично вернувшейся в западное полушарие сверхдержавы.

Будут формироваться два макроцентра мировой экономики и политики: Америка плюс и Большая Евразия⁹.

Мир проходит через длительный период развала прежнего мирового порядка и создания нового. При этом доразваливается не только прежняя двухблоковая система (хотя ее и пытаются возродить — и противостоянием с Китаем, и объединением вокруг фарсовой конфронтации в Европе). Умер “либеральный мировой порядок” — гегемония США — 1990–2000-х годов. Рассыпается под ударами США созданный ими же в Бреттон-Вудсе, но ставший невыгодным при конкуренции без военно-силовой “форы”, глобальный либеральный экономический порядок. И, может быть, самым важным из этих исторических процессов является развертывающийся на наших глазах уход пятисотлетнего доминирования Запада в политике, экономике, идеологии.

Россия сыграла, во многом даже и не вполне осознавая это, роль “повивальной бабки” истории. Останавливая (и это главное) скольжение мира к большой войне, ограничивая возможности применения военной силы в международных отношениях, Россия, сама не очень внутренне свободная,

⁹ О перспективах развития миросистемы см. [Karaganov 2018].

сделала мир гораздо более свободным. У стран и народов резко расширились возможности выбора своего политического, экономического, культурного пути, равноправной экономической конкуренции. Может быть, в обеспечении мира, свободы развития в экономической, политической, культурно-цивилизационной сферах и заключается новая миссия России, “новая русская идея”? Идея, которой, похоже, остро не хватает современному миру.

Создание нового глобального порядка займет немало времени. Пока не будет создан его новый фундамент – военно-силовой баланс. Пока Запад не приспособится к новому положению вещей, а возрождающиеся державы и цивилизации, в том числе и Россия, не выработают – вместе с Западом – привычку и инструменты ответственного глобального управления в новых условиях.

DOI: [10.17976/jpps/2019.06.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.02)

DEPARTURE OF MILITARY SUPERIORITY OF THE WEST, AND GEO-ECONOMICS

S.A. Karaganov¹

¹National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

KARAGANOV, Sergey Aleksandrovich, Dr. Sci. (Hist.), Dean of the Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics, Moscow, email: skaraganov@hse.ru

The article is a short version of the chapter of the book “Russia in Global Politics”. Ed. by G. Diesen and A. Lukin. Palgrave Macmillan (in print).

20 Karaganov S.A. Departure of Military Superiority of the West, and Geo-Economics. – Polis. Political Studies. 2019. No. 6. P. 8-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.02>

Received: 04.09.2019. Accepted: 30.09.2019

Abstract. The deep, though almost never named reason for the ongoing geopolitical revolution – an unprecedented rapid shift in the global balance of power from the West and from Europe to China and Asia – is a radical change in the military-political balance of power on which the world order is ultimately based. Almost half a Millennium Europe-West had military superiority, which was based on their dominance in the world economy, politics, ideological sphere. The process of losing superiority ended the 2010s. Superiority began to go after the acquisition of the USSR, then China’s nuclear weapons, which gradually began to deprive the West of the opportunity to impose its interests by military force. Russia, ensuring the interests of its security, has become the “midwife of history”, largely provided the basis for the current historical shift, the expansion of freedom of choice for countries and peoples.

Keywords: Russia, geopolitics, geo-economics, military superiority, Western domination, change in the balance of power.

References

- Diesen G. 2018. The Global Resurgence of Economic Nationalism. – *Russia in Global Affairs*. No. 2. P. 150-163. [www.doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-2-150-163](https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-2-150-163) URL: <https://eng.globalaffairs.ru/number/The-Global-Resurgence-of-Economic-Nationalism-19614> (accessed 17.09.2019).
- Hoffman F. 2015. *Why Did Europe Conquer the World?* Princeton; Oxford: Princeton University Press. 288 p.
- Karaganov S. 2016. A Turn to Asia: the History of the Political Idea. – *Russia in Global Affairs*. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/pubcol/A-turn-to-Asia-the-history-of-the-political-idea-17926> (accessed 17.09.2019).
- Karaganov S. 2018. How to Win a Cold War? – *Russia in Global Affairs*. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/pubcol/How-to-Win-a-Cold-War--19732> (accessed 17.09.2019).
- Kennedy P. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House. 677 p.

Kissinger H. 2018. How the Enlightenment Ends. — *The Atlantic*. No. 6. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/> (accessed 17.09.2019).

Nye J. 1990. Soft Power. — *Foreign Policy*. No. 80. P. 153-171.

Skidelsky R. 2019. The Fall of the Economists' Empire. — *Project Syndicate*. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/western-power-underpinned-universalism-of-economics-by-robert-skidelsky-2019-07> (accessed 17.09.2019).

Karaganov S. 2017. Turn from East to the Greater Eurasia. — *International Affairs*. No. 5. P. 6-18. (In Russ.) URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1847> (accessed 17.09.2019).

Karaganov S., Suslov D. 2019. Deterrence in a New Era. — *Russia in Global Affairs*. No. 4. P. 22-37. (In Russ.) URL: <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174> (accessed 17.09.2019).

Ortega y Gasset J. 2008. La deshumanización del arte (Russ. ed.: Ortega y Gasset J. *Degumanizaciya iskusstva*. Moscow: AST).

Литература на русском языке

Караганов С. 2017. От поворота на Восток к Большой Евразии. — *Международная жизнь*. № 5. С. 6-18. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1847> (accessed 17.09.2019).

Караганов С., Суслов Д. 2019. Сдерживание в новую эпоху. — *Россия в глобальной политике*. № 4. С. 22-37. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174> (accessed 17.09.2019).

Ортега-и-Гассет Х. 2008. *Дегуманизация искусства*. Москва: АСТ.